

А. Г. Тучков

ЖИВОТНОВОДСТВО У СЕЛЬКУПОВ ПРИОБЬЯ: ОТ ИННОВАЦИИ К УСТОЙЧИВОМУ ЭЛЕМЕНТУ КУЛЬТУРЫ

Данная статья посвящена исследованию вопроса о появлении в традиционной культуре среднеобских селькупов такой отрасли хозяйства, как животноводства. В ходе исследования автором было выявлено, что достоверные сведения о селькупском животноводстве датируются XVIII – началом XIX в. Именно в это время в ряде селькупских хозяйств появляются домашние животные. Анализ исторической ситуации, в которой начал проходить процесс внедрения в культуру селькупов животноводства показал, что заимствование новой отрасли хозяйства стало возможным благодаря участвовавшим межэтническим контактам селькупов с русским населением. Большую роль в распространении навыков по содержанию домашних животных сыграли межэтнические браки (главным образом, браки с русскими). Также было установлено, что внедрение и развитие животноводства в селькупской среде распространялось с берегов Оби на притоки. Имеющиеся источники показывают, что развитие животноводства среди селькупов проходило неравномерно. На таких притоках р. Обь как р. Кеть и р. Тым животноводство к концу XIX в. было развито слабо или оно совсем отсутствовало. Первые домашние животные на р. Тым появляются только в начале XX в. Был получен вывод о том, что животноводство внесло заметные изменения в традиционную культуру среднеобских селькупов и повлияло на их систему ценностей. Новая отрасль хозяйства потребовала серьезных изменений в хозяйственном цикле и половозрастной структуре разделения труда.

Ключевые слова: *Животноводство, среднеобские селькупы, традиционное хозяйство, традиции, инновации.*

Традиционно культура селькупов презентуется в этнографических публикациях как культура рыболовов и охотников. Обычно теме селькупского животноводства исследователи уделяют мало внимания, о нём говорят, как о вспомогательной и относительно недавно возникшей сфере хозяйства селькупов, отводя несколько строк в общей характеристике их хозяйственной деятельности (см., например, Васильев, 1994: 312; Тучкова, 1996: 87). Однако в коллективной памяти современных потомков среднеобских селькупов бытование животноводческих навыков, тем не менее, воспринимается как неотъемлемая и важная часть их традиционной культуры. Особенно это характерно для селькупов р. Парабель, чьи животноводческие навыки выявляются как достаточно развитые: у парабельских селькупов бытует устойчивое мнение, что коровы и кони были у них «всегда», «еще у дедов и прадедов» (Тучкова, 1996: 85). Данное явление свидетельствует, с одной стороны, что среди современных представителей этого этноса уже нет тех, кто помнил бы начальные этапы развития животноводческой деятельности (пережил момент введения инновации). С другой стороны, надо признать, что ранних и достоверных исторических данных о животноводстве у селькупов исследователи не имеют. Вместе с тем, основываясь на известном тезисе, что ни одна традиция не является для общества исконной, она имеет свое начало, и появление ее в обществе всегда носит инновационный характер (Арутюнов, 1989: 160), очевидно, что животноводческие традиции, которые бытуют у современных представителей среднеобских селькупов – это привнесенные когда-то в их производственную сферу внешние инновации.

Исходя из выявленного противоречия между относительно недавним по данным историко-этнографических исследований внедрением животноводства и сформированным стойким отношением к данному занятию как к традиционному и исконному для культуры селькупов Приобья, автор ставит целью статьи анализ данных, характеризующих начальный этап становления и укоренение животноводства в их хозяйственной деятельности.

Источники по этнографии среднеобских селькупов, относящиеся к XVII–XVIII вв., не фиксируют в культуре этого этноса наличия сведений о животноводстве. Нет также упоминания о селькупском животноводстве и в материалах ранних исследователей Среднего Приобья – М. Спафария (1675) и Г. М. Миллера (1740). По материалам Г. Ф. Миллера, например, видно, что на первую половину XVIII в. (1740) животноводство было развито только у соседей среднеобских селькупов, в основном у региональных групп сибирских татар, в частности у томских татар, которые держали лошадей, рогатый скот и овец «в таком же количестве, что и русские» (Миллер, 2009: 212). Небольшое количество лошадей имели в этот период котты, камасинцы и ассаны (Миллер, 2009: 212). По данным П. А. Словцова 320 голов лошадей имели на 1598 г. Ляпинские вогулы; их они использовали в качестве транспортных животных для перевозки ясака, служилых людей и воевод в Соликамск, Пелым и Тюмень (Словцов, 1886. Кн. 1: 19). Об отсутствии в прошлом у селькупов животноводства говорил впоследствии и Б. О. Долгих. Он отмечал, что «никаких животных, кроме собак, нарымские остяки¹ не имели»; «Даже перевоза зимой служилых людей в порядке ямской гоньбы, они сами впрягались в нарты» (Долгих, 1960: 90). Он считал, что единственными домашними животными в селькупских хозяйствах были собаки. Аналогичной точки зрения придерживался и К. Доннер. Содержание домашнего скота среди селькупов исследователь связывал с влиянием русского населения (Доннер, 2008: 28).

Русское население Нарымского края в XVII в. практически повсеместно держало домашних животных – лошадей и коров, а также (в меньшем количестве) овец (Никитин, 1987: 116). Лошади, которые в русском земледельческом хозяйстве были основной тягловой силой, в XVII в. в Томско-Нарымском Приобье приобретались главным образом с торгов под «Томским городом». Постоянный пригон лошадей под Томск обеспечивали кочевые «колмаки», которые вели здесь оживленную торговлю. За пашенную лошадь местное население отдавало от 2 до 3 рублей. Нередко покупали за один торг от 5 до 6 лошадей (Шунков, 1956: 297).

В Нарымском крае имелись все условия для развития животноводства. Здесь, например, никогда не было сильных засух, что благоприятствовало росту пастбищных трав, образованию хороших сенокосов на лесных еланях и в пойме р. Обь с ее притоками. Сама пойма Оби богата луговыми травами, которые отличаются своими высокими кормовыми качествами (Иоганзен, 1971: 99, 104).

В конце XVII в. в Нарымском крае отмечаются отдельные случаи покупки селькупам лошадей у русских (Долгих, 1960: 90). Вместе с тем, начало распространения животноводческой традиции у селькупов следует отнести ко второй половине XVIII в. – началу XIX в. В распоряжении исследователей нет четких статистических данных на этот период времени о количестве домашнего скота у селькупов, однако источники фиксируют, что селькупы в это время уже начали приобретать животноводческий опыт. Согласно ведомости о промыслах коренного населения Тогурского отделения за 1828 г. некоторые инородцы Тогурской Порубежной и Тогурской волостей «по малой части для домашних нужд» имели лошадей и крупнорогатый скот (Вехи патернализма..., 2006: 46). Также в малом количестве лошадей и крупнорогатый скот держали инородцы Пиковской, 3-й Парабельской, 3-й Парабельской Ларпинской, 4-й Парабельской Верхне Подгородной, Подгородной Пайдушной, Нижне Подгородной, 2-й Нижне Подгородной волостей (Вехи патернализма..., 2006: 46–47). На данный период домашнего скота и лошадей не держали еще инородцы Кетской, Киргеевской, Няньжиской, Кашкиной, Питкиной, Иштановской, Лелькинской, 1-й Парабельской 1-й половины, волости, 1-й Парабельской 2-й половины, 2-й Парабельской, Тымской 1-й и 2-й половины волостей, а также жители Васюганской волости (Вехи патернализма..., 2006: 46–47).

¹ В цитируемых источниках селькупы фигурируют под разными названиями: «остяки», «самоеды», «остяко-самоеды», «томские самоеды», «нарымские остяки». Автор выбирал при цитировании тот термин, который используется в конкретном источнике.

Наличие крупного рогатого скота и лошадей в юрточных селениях селькупов по р. Обь в 1840-х гг. М. А. Кастрен отмечал уже как закрепившуюся в культуре селькупов традицию. В это же время животноводство (а именно – коневодство) начинает проникать в лесотаежную зону Нарымского края. Особенно это было заметно на р. Кеть и Парабель, а также по р. Чай и Чулым. Как писал М. А. Кастрен, на этих территориях самоеды начинают держать «при собаках ... и лошадей». Крупный рогатый скот появляется также в хозяйствах и на Чулыме (Кастрен, 1999: 130, 132).

Надо отметить, что в период путешествия А. М. Кастрена по Нарымскому краю (1840-е гг.), им не было зафиксировано наличие в селькупских хозяйствах овец. Однако к концу XIX в. по сведениям А. Ф. Плотникова (1897 г.) в хозяйствах остяков Нарымского края насчитывалось уже до 191 головы этих животных (Вехи патернализма..., 2006: 76–77). Приобщение селькупов к овцеводству, т.е. приобретение ими навыков содержания овец, потребовало времени фактически двух поколений селькупов – около 50 лет.

Вместе с тем, основной процент занятости селькупского населения этих волостей, как мужского, так и женского, приходится на традиционные промыслы – охоту и рыболовство, а также на сезонный сбор кедрового ореха для «своего пропитания» (Вехи патернализма..., 2006: 46–47). На территориях, которые находились в некоторой изоляции от русского влияния, также не наблюдалось сколько-нибудь очевидных изменений в производственной и жизнеобеспечивающей сферах этнической культуры селькупов. Прежде всего, это относилось к территориям по Верхней Кети и р. Тым (Кастрен, 1999: 131). На Тyme, например, вплоть до начала XX в., не было зафиксировано у селькупов ни одного домашнего животного (кроме собак) (Вехи патернализма..., 2006: 69). На Васюгане также не отмечалось наличие домашнего скота, и в середине XIX в. на данной территории «ясашные ... инородцы ... могут только иметь рыбный и звериный промыслы по природной их к тому привычке и способности ..., а более удобств и выгод никаких не предвидится» (Вехи патернализма..., 2006: 56).

На выбор селькупам новых форм хозяйствования, к каким относилось в XVIII в. животноводство, безусловное влияние оказывал природно-климатический фактор, играющий значительную роль в организации традиционного уклада селькупской экономики. К моменту появления домашних животных на территории проживания среднеобских селькупов в их этнической культуре сложились устойчивые подсистемы (производственная, жизнеобеспечивающая, соционормативная, познавательная), которые находились в тесной взаимосвязи между собой и поддерживали качественно и количественно процесс самовоспроизводства культуры этноса, оптимально адаптируя его к природным и социально-историческим условиям. Другими словами, коренное население ещё прочно сохраняло традиционное натуральное хозяйство при присваивающем типе экономики.

В этой связи интересно мнение К. Доннера относительно селькупского животноводства. Он считал, что нежелание части селькупов разводить домашний скот объяснялось их любовью к «свободе передвижения», к кочевому образу жизни: «Свобода самоеду дороже, – писал исследователь. – Они даже испытывают некоторое пренебрежение к тем, кто устраивает себе быт и пытается таким образом облегчить себе жизнь» (Доннер, 2008: 27). Очевидно, что не столько свобода как таковая была дорога селькупам, сколько стремление их к сохранению своей традиционной культуры, прежде всего в той её части, которая относилась к сфере жизнеобеспечения, – к промысловой охоте и рыболовству. Промысловая культура для многих селькупов еще оставалась надёжным и понятным способом существования.

Фактически инновация, какой представлялось для селькупов животноводство, внедрялась в один из комплексов сферы жизнеобеспечения этноса – в систему питания, самую основную и повседневную потребность человека. Здесь, прежде всего, речь идет о способе получения основных компонентов традиционного питания селькупов – главным образом мяса. В исследуемый период способ получения мясной пищи через охоту или через животноводство

не влиял ни на качественный состав получаемого мяса, ни на его удельный вес в общей системе питания селькупов. Селькупы благодаря охоте гарантированно получали животный белок и животный жир. Кроме того, жир, как один из основных компонентов пищи, также поступал в систему их питания через рыболовство – селькупы получали его в большом количестве из выловленной рыбы, путем его вытапливания с последующим хранением в специальных берестяных сосудах. Поэтому на данном отрезке времени (конец XVIII – начало XIX в.) селькупы не испытывали необходимости держать в хозяйстве домашних животных именно для мяса.

Аналогичная ситуация наблюдалась и у соседей селькупов – хантов и ненцев Тобольской губернии. «Остяки и самоеды домашнего скота и птиц не держат, как по неудобствам кочевой жизни, так равно и потому, что по причине болотистых мест не имеют никакой возможности к заготовлению восьмимесячного зимнего корма. Притом же край их так богат разного рода животными, что они никогда не имеют ни малейшей нужды в домашнем скотоводстве...» (Белявский, 2004: 174). Исследователи неоднократно обращали на это свое внимание, отмечая устойчивую приверженность коренного населения к традиционным формам экономики. «Пологать надобно, – писал, например, П. А. Словцов, – что и сами инородцы, имея для своего продовольствия в водах, ... и в лесах, где есть леса, рыбу, прилетных птиц, дичь лесную, лосей и т.п., были равнодушны к надеждам улучшить свое состояние, тем более, что их женщины имели в руках искусство выделывать кожи звериные или птичьи для парок и кухлянок, одежды зимней, ... равно для лета легкие камлейки из кож осетровых или налиминых» (Словцов, 1886. Кн. 1: 77). Это являлось одним из дополнительных факторов игнорирования инновационных «предложений» со стороны русской культуры, которые, на взгляд ряда исследователей, считались прогрессивными для местного населения.

Что касается русского населения, в основе этнической культуры которого лежал земледельческо-животноводческий вид деятельности (при этом доля мясной охоты была невелика), то оно получало мясные продукты благодаря содержанию большого количества домашнего скота (Аминова, 2016: 39).

«Сначала выстрой хлевинку, а потом заводи и скотинку», – говорила русская пословица, указывающая на определенный порядок в содержании домашних животных (Шелегина, 1992: 96). В материалах по культуре среднеобских селькупов, относящихся к первой половине XIX в. практически нет сведений о наличии у коренных жителей Нарымского края особых построек для содержания домашнего скота. У Кастрена, в частности, отмечено, что селькупы практиковали содержание домашних животных под одной крышей с людьми: «Даже и самые на русский лад устроенные жилища их похожи на хлева, в которых люди, телята, собаки и куры дружелюбно живут под одной кровлей» (Кастрен, 1999: 105). То, что Кастрену казалось проявлением «дикости» – совместное проживание людей и животных под одной крышей, возможно, следует считать именно фактом заимствования селькупам образцов животноводческой традиции русского населения. На территории Нарымского края русские жители практиковали в зимнее время содержание новорожденных телят и кур в избе: телят держали за печью, а кур в особой решетчатой загородке в кути или под печью. Следует, однако, сказать, что не все русские жители края практиковали это. Старожилы, например, предпочитали иметь отдельные постройки на усадьбе, чтобы не содержать животных в доме (Бардина, 1995: 100). Данное явление, как представляется, могло иметь место только на первых порах заселения территории русским населением и представлять собою пример адаптации его к суровым природно-климатическим условиям Нарымского края. Селькупы могли воспринять приемы содержания домашнего скота у русских как их традицию и со временем ее заимствовать.

На начальном этапе приобщения селькупов к животноводству они испытывали определенные трудности как в обращении с домашними животными, так и с их содержанием. Остро ощущалось отсутствие необходимых навыков и незнание основных правил ухода за домаш-

ним скотом. Кастрен, например, отмечал, что в практике селькупов было оставление животных без присмотра в периоды сезонов охоты и рыбной ловли: «Лошади, бесполезные в эту пору, оставляются в деревне без всякого о них попечения, ... их снабжают на несколько месяцев запасом сена, которое сваливается в отворенный сарай, служащий вместе и конюшней». Иногда в деревне для присмотра за животными оставлялся сторож (Кастрен, 1999. Т. 2: 133).

К началу XX в. домашний скот (прежде всего лошадей и коров) стали держать селькупы практически всех инородческих волостей, кроме Подгородно-Пайдушной волости. Овец не имели жители 1-й Парабельской 2-й половины, Подгородно-Пайдушной, Тымской 2-й половины, Васюганской, Лариатской, Няньжинской, Кашкинской, Питкинской, Лёлькинской и Киргеевской волостей. Наибольшее количество домашнего скота в хозяйствах селькупов имелось в Пиковской, Тымской 1-й половины и Иштановской инородческих волостях. Общее количество домашних животных на данный период времени достигало цифры 1511 голов, из которых 843 были лошади, 471 крупного рогатого скота и 197 овец (Вехи патернализма..., 2006: 76–77). Между тем, оценивая ситуацию о наличии скота у селькупов, А.Ф. Плотников, например, отмечал, что скотоводством селькупы занимаются в «самых скромных размерах, ... большею частью при обских юртовых селений», подчеркивая при этом, что такое скотоводство не составляет источника благосостояния инородцев (селькупов) и никакого влияния на их экономический быт не имеет (Плотников, 1901: 72).

Также в начале XX в. оставалось прежним отношение селькупов к содержанию домашних животных. Значительную часть года, особенно в весенне-летний период, животные находились на «воле», на подножном корме. Однако следует отметить, что данное явление не является особенностью только селькупской практики содержания домашнего скота. Можно говорить о том, что селькупам в ряде случаев воспроизводилась общая практика содержания домашних животных, принятая у русского населения края. Русские, например, начиная еще с XVII в. практиковали вольный выпас скота в весенне-летний период, с той лишь особенностью, что «скотные выпуски» обносились городьбой, чтобы скот не потравил поля (Никитин, 1987: 116).

Как отмечает П. Е. Бардина, несмотря на развитые у русского населения типы хозяйственных построек для скота, основную массу взрослого скота русские сибиряки Томского края зимой содержали в холодном дворе. Считалось, что на холоде к скоту меньше «пристают» различные болезни. Практика также показывала, что если скотину в холодных дворах поить не теплым, а холодным пойлом, то животные не будут мерзнуть, главное, не будут болеть (Бардина, 1995: 99). В холодных дворах домашний скот содержали и жители ряда деревень Парабельского района. Кормили его преимущественно сеном и соломой, на водопой отгоняли его до ближайшей речки (ГАТО. Ф.р. 214. Оп.1. Д. 160. Л. 36).

Селькупы стали сочетать практику содержания домашнего скота со своими традиционным условиям хозяйствования. Все лето на вольном выпасе находились у селькупов крупнорогатый скот и лошади. Зимой, на время промысла, селькупы устраивали для скота особого рода стайки так, чтобы скот мог сам дотянуться до сена. Вместо воды селькупский скот в отсутствие хозяев ел снег. Особенно приспособленными к таким условиям были лошади, которые могли оставаться длительное время на морозе без присмотра хозяев (Вехи патернализма..., 2006: 60). Селькупские лошади редко кормились овсом, чаще сеном. На Кети кормились только сеном, иногда во время работы им давали хлеб (Орлова, 1928: 13).

Практиковался у селькупов и отгон скота на водопой к реке или к проруби. Этим занимались дети 5–6 лет (ПМТ, 1996: л. 9; ПМТ. 1992. Тет. 2.: л. 40; ПМТ, 1992. Тет. 2.: л. 6). На Кети, например, из естественных источников (зимой из проруби) поились коровы. Тёплые помещения для содержания животных отсутствовали (Орлова, 1928: 27).

Без присмотра домашний скот оставлялся и в период сбора кедрового ореха. Так, например, в сезон шишкования селькупы близ Нарыма и из юрт Тюхтеревых скотину оставляли дома, в специальных построенных из толстых жердей и досок пригонах. Отсутствие хозяев

могло длиться неделю и больше. На этот период животным «навозилось» сено, оставлялась вода в корытах или в ведрах. По устным свидетельствам русских жителей Парабельского района, которые долгое время жили в окружении селькупов, такой способ содержания домашних животных был естественным для местного остяцкого населения.

В суровых климатических условиях часты были случаи падежа скота от эпизоотических болезней, например, от сибирской язвы (факт её распространения фиксируется с 1894 по 1897 г.), бескормицы, замерзания, нападения хищников; на Кети, например, коровы и телята, иногда гибли в результате разлива рек или от гнуса (Плотников, 1897: 76; Сергеев, 1955: 63).

Ряд исследователей отмечали низкопродуктивность нарымского крупнорогатого скота. Так, например, Б. Шостакович писал, что «не смотря на значительное количество рогатого скота, здесь [в Нарымском крае] почти нет скопов масла; самый скот малорослый, дает мало молока, вследствие отсутствия ухода за ним: с появлением травы он выгоняется на сор до Покрова дня без всякого призора; поэтому летом здесь трудно достать молока». Шостакович также подчеркивал, что рогатый скот держат почти только для кож и мяса, держат вместе и телок, и бычков, что приводит к раннему их спариванию, и это является одной из главных причин малорослости Нарымского скота (Шостакович, 1882: 5).

О маломолочности коров на Кети писала также Е. Н. Орлова. Данный факт она объясняла плохим уходом за животными. Вместе с тем, Е. Н. Орлова отмечала, что, несмотря на серьезные трудности и неудобства, связанные с содержанием домашнего скота, кетские селькупы охотно заводят его, даже предпринимают усилия для содержания в своих хозяйствах кур (Орлова, 1928: 27).

Только в начале XX в. заметным явлением становится внедрение в культуру селькупов элементов стойлового скотоводства. Об этом свидетельствует распространившаяся среди среднеобских селькупов практика сенокосения. Она носила сезонный характер. Для некоторых территориальных групп селькупов, как, например, для селькупов Кети, где не так сильно было развито животноводство, эта сезонная деятельность доставляла серьезные неудобства. Период заготовки сена, который приходился на июль, совпадал с периодом рыболовства, и зачастую селькупам приходилось отвлекаться на сенозаготовки в ущерб рыбодобычи (Орлова, 1928: 13). Иногда рыболовство и сенокос осуществляли одновременно, когда на рыбном становище или рядом с рыболовными угодьями заготавливали и сено. Заготовленное сено потом вывозили на обласках или по раннему снегу на лошади в поселки. Один из приемов заготовки сена на рыболовном стане на р. Васюган описал Н. П. Григоровский: «Сено же косят и ставят на высоких местах и гривах и то на подставках (лабазах, как они называют здесь). Скошенную траву просушивают, разбрасывая по верхушкам тальника и других небольших деревьев, а когда она высохнет, то, подъезжая на лодке, собирают ее и складывают в маленькие стога на лабазах» (Григоровский, 1884: 30).

Сено необходимо было заготавливать как для хозяйств, имеющих домашний скот, так и для всех тех, кто по различным причинам, проезжал по Нарымскому тракту. Обязанность эта лежала на всех жителях Нарымского края, проживавших на оживленных перепутьях – трактовых путях и зимниках. Как отмечала Е. Н. Орлова, фактически каждый поселок в Нарымском крае являлся постоянным двором, где каждый проезжающий мог получить еду для себя и сено для лошадей. Заготовка сена входила в обязанность селькупов независимо от того, есть ли у них в хозяйстве лошадь или нет ее (Орлова, 1928: 13). Нередко в безлошадных хозяйствах, например, у кетских селькупов, скапливалось большое количество сена. Такое явление отмечали и другие исследователи, находясь на территории Кети (Сергеев, 1955: 178).

Сено заготавливали преимущественно на пойменных участках, согре, когда спадала вода и трава быстро набирала рост. Некоторые хозяйства за сезон сенокоса ставили по несколько десятков копён. Селькупы ю. Саиспаевых, например, в сезон заготавливали до 1590 копён (Тучкова, 1996: 86).

В 1910–1911 гг. полное подворное обследование Нарымского края осуществила экспедиция под руководством В.Я. Нагнибеды. Данные по животноводству у селькупов на этот период, извлеченные из статического обследования края, сведены в таблицу (см.: таблица). На это время, в сравнении с периодом 1890-х гг., отмечены значительные количественные сдвиги в развитии животноводства у среднеобских селькупов. Из 652 селькупских хозяйств (отметим, что считались хозяйства только селькупских поселений) 536 хозяйств (более 80% !) уже держали домашних животных: 2233 коровы с телятами, 1734 лошади, 1251 овцу и 4 свиньи. Таким образом, общее количество домашнего скота у среднеобских селькупов достигало на данный период 5222 ед. (головы).

Увеличение количества содержащегося в селькупских хозяйствах скота произошло на той территории (по р. Обь), где селькупы близко соседствовали с русским населением и от него могли перенимать навыки и приемы содержания домашних животных. В отдаленных районах, каким являлись Притымье и отчасти Прикетье, и которые были территориально отдалены от прямого влияния русской культуры, проникновение практики содержания домашнего скота было затруднено. Эти районы относились, по классификации Нагнибеды, к районам промыслового типа (Нагнибеда, 1927: III).

Рабочий скот – лошадей, селькупы использовали, главным образом, зимой, летом лошади находились на вольном выпасе, потому что основные передвижения в это время селькупы осуществляли по воде на лодках. При отсутствии у них практики пашенного земледелия исключалось использование ими лошадей в сельскохозяйственных целях. На период начала XX в. назначение лошади у всех территориальных групп среднеобских селькупов было исключительно транспортное. Ценились лошади так называемой «нарымской породы» – «на вид неказистые, но выносливые и закаленные к местным условиям климата» (Бардина, 1995: 99). На лошадях передвигались либо верхом, когда необходимо было в редких случаях добраться из одной юрты в другую по суше в летнее время (что практиковалось редко), либо зимой, впряженной в узкие сани. Особой труднопроходимостью отличалась санная дорога на Кети. Эта дорога (зимник), соединяющая зимой селькупские юрты, из-за снежных заносов и завалов бурелома, позволяла передвигаться только на одной лошади. В редких случаях по зимникам Нарымского края можно было проехать на паре или тройке лошадей, запряженных особым способом, «гусем», когда лошади впрягались одна за другой (Шостакович, 1882: 1).

В начале XX в., по данным В. Я. Нагнибеды, некоторые селькупы, имевшие лошадей, стали ориентироваться на извозный промысел. Они занимались вольной ямщиной, земской гоньбой, ломовым извозом, содержали станки. Всего, по материалам В. Я. Нагнибеды, в нач. 1910-х гг. извозом занимались 15 селькупских хозяйств. Хозяйства эти находились по р. Оби, р. Парабель и р. Ягодная (в системе р. Чай (протока р. Чай)) (Нагнибеда, 1927: 556–557, 562–563, 584–585; 594–595). Повсеместно у селькупов не отмечено наличие телег или каких-нибудь других колесных средств передвижения. В наличии были только сани, используемые преимущественно в зимнее время года. На санях зимой из района сенокосных угодий или леса в свои юрты селькупы перевозили заготовленное летом сено, а также дрова. Как отмечала Е. Н. Орлова, вывоз зимой сена из леса был одним из основных хозяйственных занятий селькупов р. Кеть (Орлова, 1928: 13).

В начале XX в. заметно отличалось отношение к лошади у жителей р. Парабель. Там лошади были более ухожены, кормились кроме сена и овсом, в сильные морозы находились в крытых помещениях. Кроме перевозки сена из леса, лошадей использовали в рыболовстве, когда с их помощью вытаскивали огромные верши, полные рыбы. Особо предприимчивые селькупы на лошадях зимой возили обозы с рыбой и пушниной в Томск (например, селькупы Саиспаевы на р. Парабель) (Тучкова, 1996: 84).

В конце XIX – начале XX в. среди селькупов распространилось «украдом» зимой увозить на лошадях полюбившуюся парню-селькupu русскую девушку: «...подружки сманут. Ну и он (жених) ее посадит [в сани]. Тулуп у него запасной. Завернет и увезет» (ПМТ, 1994. Л.18 об.).

На лошадях также в ответ устраивали погоню, которая, как правило, заканчивалась неудачей. Кроме того, в Нарыме, например, на лошади в зимнее время перевозили в дом жениха невесту и ее приданое (Гемуев, 1980: 115). В некоторых селениях на р. Обь после первой брачной ночи утром проезжали на лошади, украшенной либо красной лентой, если новобрачная «честная», либо белой лентой, если новобрачная «нечестная» (Гемуев, 1980: 124). Данный обряд свидетельствует о явном влиянии на свадебную обрядность селькупов русских свадебных традиций, в которых лошадь была важным элементом.

Отмечено также, что «до войны» именно на лошадях зимой из Тюхтерево в Нарым отвозили умерших на кладбище (ПМТ, 1994. Л.12 об.).

По данным 1910–1911-е гг. обращает на себя внимание факт значительного, по сравнению с прошлыми годами, количества овец в хозяйствах селькупов. Можно предположить, что связано это с увеличением потребности селькупов в овчине, из которой по русскому образцу стали шить верхнюю одежду – тулупы, которая повсеместно начала заменять селькупам их заячьи дохи. В некоторых хозяйствах на Оби овец заводили даже раньше, чем лошадей.

Для содержания зимой овец сооружали для них специальные загоны, летом же овцы паслись сами вблизи селений. В отсутствие корма для овец, особенно зимой, их кормили рыбой. «Чебаков зимой добудут, – вспоминала В. И. Грядюшко, – жительница п. Тюхтерево, – каждый день два ведра чебаков – овцам. Овцы на рыбе жили (ПМТ, 1992. Тет.2. Л. 5). Как подтверждают информанты, овец держали в основном для шерсти и шкур. Из овечьей шерсти вязались шабуры (зипуны), носки и рукавицы, из овечьих шкур шились тулупы (мехом внутрь – *конепорг* – «овечья парка») (ПМТ, 1992. Тет.2. Л. 20, 22). Однако на первое десятилетие XX в. в хозяйствах селькупов, которые держали овец, не зафиксировано ни одного случая, чтобы сами селькупы обрабатывали овчину и шили из нее одежду. Пошивом одежды из шкур овцы или вязанием из овечьей шерсти занимались русские женщины-старожилы (Нагнибеда, 1927: 578–579).

Заготовка овчины в Западно-Сибирском регионе в основном производилась русскими. Ее заготавливали два раза в год – весной и осенью. Следует также отметить, что основной процент использования мехов среди русского старожильческого населения Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. приходился на овечью – 34, 8% и баранью – 20, 1% шерсть (Шелегина, 1992: 102, 106). Таким образом, представляется, что пошив в семьях селькупов одежды из шкур овец и вязание изделий из овечьих шерстяных ниток как элемент в их традиционной культуре относится к более позднему времени, вероятно, к концу 1920 х–1930-х гг., и связано это с более широким распространением селькупско-русских браков (т.е. распространяется в селькупской среде как умения русских жен).

Иное отношение у селькупов было к разведению свиней. Не все селькупские хозяйства, особенно вокруг Парабели и Нарыма, держали этих животных; однако даже те селькупы, кто их держал, свинину сами не ели. Существовало определенное недоверие к этому мясу. «Насте Марытиной скажи – «свинина», – вся переблюется, а не скажи, съест за милую душу» (ПМТ, 1992. Тет. 1. л. 52; 1994. Тет. 2. л. 26 об.). Также не все селькупы ели мясо кур, хотя куриные яйца в пищу употребляли. Было предубеждение и по поводу употребления в пищу конины – селькупы не ели это мясо (ПМТ, 1992. Тет. 1. л. 52).

Ранние источники и материалы по этнографии среднеобских селькупов мало уделяют внимание вопросу использования молочных продуктов в рационе селькупов. Некоторые материалы говорят о том, что в качестве молочных животных коровы использовались мало. В ряде селькупских хозяйств их редко доили, молоко шло в основном на питание телят (ПМТ, 1996. л.16). Этим, вероятно, объясняется и тот факт, что селькупы, имеющие коров, «совершенно не имеют в своём обиходе масла и не умеют его приготавливать» (Вехи патернализма..., 2006: 167). Однако по сведениям М. Б. Шатилова (1924), в Нарыме остяки коров держали в основном для молока, которое использовали в питании, в редком случае – в качестве противоядия от употребления настойки из мухомора «пун» (Шатилов, 2011: 99). Молоко селькупы

хранили в специальных крынках. Такие крынки ими не мылись, а вытирались хвощем (ПМТ, 1992. Тет. 1. л. 21).

Отмечено, что корова для селькупов в начале XX в. становилась эквивалентом приличной суммы денег. До 1917 г. коровой или коровами могли рассчитаться в качестве налога («корову на подати сдавали»). По рассказам В. А. Саиспаева, один раз в год, по рекоставу, приезжал налогосборщик, и вместо денег он мог забрать корову. Коров сдавали в Нарым в налоговую контору (ПМТ. 1994. Т. 2. л. 2). Кроме того, нарымские селькупы использовали скот в качестве калыма за невесту. Корова или бык могли также входить в состав приданого невесты (Гемуев, 1980: 111). Живой скот нередко шел и на продажу (Нагнибеда, 1927: 601).

Интересным является факт, отмеченный в материалах экспедиции 1910–1911-х гг., наличия на р. Тым в 2 селькупских хозяйствах оленей. До работы экспедиции В.Я. Нагнибеды на Тыму исследователями не было зафиксировано содержание оленей у селькупов. Любопытно и другое, в 1920-е гг. наличие оленей у селькупов р. Тым, напротив, **не** было отмечено. Е. Н. Орлова, посетившая р. Тым в 1927 г. писала, что «остяко-самоеды Тыма не знают, чтобы кто-нибудь из их предков держал оленей, и только был случай несколько лет назад, когда два остяка «позавидовав тунгусам, завели по несколько штук оленей, но надоело для них курево (дымокур от комаров) разводить и приели их ко второму году» (Орлова, 1928: 43). Можно сделать вывод о том, что наличие оленей у селькупов р. Тым, зафиксированное статистическим обследованием края в 1911 г., было явлением временным, одноактным, возможно это был первый опыт обращения среднеобских селькупов к оленеводству. Отсутствие в хозяйствах селькупов оленей отмечали и другие исследователи* (Плотников, 1901: 72).

Увеличение количества домашнего скота в селькупских хозяйствах в первые десятилетия XX в. косвенно говорит о том, что селькупы в данный отрезок времени стали больше ориентироваться на оседлый образ жизни. Это может быть связано, с одной стороны, с постепенным сокращением в экономике селькупов доли охоты, с другой стороны – увеличением доли селькупско-русских браков, что приводило к увеличению значения домашних животных в селькупском хозяйстве. Преимущественно через русских женщин, которые выходили замуж за селькупов, в селькупской среде стала закрепляться и расширяться животноводческая практика.

В русских селениях уход за содержанием домашних животных целиком ложился на женщин, которым необходимо было каждый день «коров подоить», «сено воз во двор затащить», «животину накормить» (ПМТ. 1992. Т. 2. л.17). Эта практика существовала и в русско-селькупских семьях, где русская женщина полностью отвечала за домашнюю скотину, а муж занимался промысловой деятельностью. В этой ситуации русская женщина привносит в селькупскую культуру элементы традиции русской культуры. Можно считать, что здесь замечен процесс культурной интерференции, фактически удачно сочетающийся с основами традиционной культуры селькупского этноса, которые были дополнены новыми чертами.

Развитие этой традиции проявилось и в том, что всё чаще женщин и детей в период охотничьего промысла стали оставлять дома. Известно, что женщины-селькупки традиционно были вовлечены в промыслово-хозяйственную деятельность, они участвовали вместе с мужчинами в охотпромысле, рыболовстве, а также вместе уходили на сбор дикоросов, прежде всего – кедрового ореха. Появление в селькупском хозяйстве домашних животных – лошадей, коров и овец – естественным образом заставляло женщину-хозяйку постепенно переключать свое внимание на совершенно новую для нее деятельность. Тем самым медленно, но все устойчивее осуществлялся поворот от традиционного уклада экономики, основанной на присваивающем типе хозяйства, к новой (комплексной) форме хозяйствования, сочетающей в себе как присваивающие, так и производящие элементы.

* Подробнее об оленеводстве нарымских селькупов см. Тучков, 2008.

Проникновение в традиционную (охотничье-рыболовецкую) культуру среднеобских селькупов животноводческих традиций надо расценивать именно как культурную инновацию и как одно из ярких свидетельств иноэтничного (русского) влияния. Анализ имеющихся этно-статистических материалов показывает пути движения этой инновации – от прилегающих к р. Оби селькупских территорий (наиболее заметно присутствие животноводства в юртах близ Нарыма, Парабели, а также в юртах Иванкиных на Оби) на обские притоки: реки Кеть и Тым. Селькупы р. Тым одни из последних стали внедрять в свое хозяйство элементы животноводства, прежде всего коневодства.

**Сводные данные по количеству домашнего скота у среднеобских селькупов
на 1910–1911-е гг. по данным В. Я. Нагнибеды**

Река Обь					
хозяйства	лошади	коровы	овцы	свиньи	ИТОГО
Всего хозяйств: 359 Держали скот: 334	1318	1734	1126	–	4178 голов
Река Кеть					
хозяйства	лошади	коровы	овцы	свиньи	ИТОГО
Всего хозяйств: 105 Держали скот: 83	154	194	21	–	369
Река Тым					
хозяйства	лошади	коровы	овцы	свиньи	ИТОГО
Всего хозяйств: 53 Держали скот: 16	15	3	–	–	18
					В 2-х хозяйствах держали еще 31 оленя
Притоки и истоки р. Чая (рр. Ягодная, Галка, Андарма, Парбиг, и сама р. Чая)					
хозяйства	лошади	коровы	овцы	свиньи	ИТОГО
Всего хозяйств: 49 Держали скот: 33	129	173	104	4	410
Река Кенга					
хозяйства	лошади	коровы	овцы	свиньи	ИТОГО
Всего хозяйств: 27 Держали скот: 24	35	42	–	–	77
Река Чузик					
хозяйства	лошади	коровы	овцы	свиньи	ИТОГО
Всего хозяйств: 13 Держали скот: 10	17	13	–	–	30
Река Парабель					
хозяйства	лошади	коровы	овцы	свиньи	ИТОГО
Всего хозяйств: 22 Держали скот: 14	34	61	–	–	95
Река Чижалка					
хозяйства	лошади	коровы	овцы	свиньи	ИТОГО
Всего хозяйств: 24 Держали скот: 22	32	13	–	–	45
	лошади	коровы	овцы	свиньи	ИТОГО
Всего хозяйств: 652 Держали скот: 536	1734	2233	1251	4	5222

Вместе с тем, очевидно, что заимствования селькупам элементов животноводческой традиции русского населения, навыков ухода и содержания домашних животных можно расценивать как один из факторов культурной трансформации селькупского этноса. Долгое время шло «притирание» между традиционным укладом жизни селькупов с новыми внешними тенденциями в хозяйственной сфере их экономики – животноводством. В определенный период времени попытки одновременно сочетать традиционную хозяйственную практику (охоту и рыболовство) с содержанием домашнего скота стали началом постепенной ориентации селькупов от полукочевой и сезонно-промысловой деятельности к оседлости и круглогодичному ведению хозяйства.

Без сомнения, животноводство внесло заметные изменения в традиционную культуру среднеобских селькупов, его элементы проникли в основу производственной и жизнеобеспечивающей сфер этноса, что, в свою очередь, привело и к изменению ценностных ориентиров общества. С течением времени, домашнее животноводство стало для среднеобских селькупов нормой их хозяйственной жизни, важной составной частью культуры этноса.

Список литературы и источников:

- Аминова Т. В.** Истоки. «Семейный альбом» жителей нарымских деревень. – Томск, 2016.
- Арутюнов С. А.** Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – Москва, 1989.
- Бардина П. Е.** Быт русских сибиряков Томского края. – Томск, 1995.
- Беляевский Ф.** Поездка к ледовитому морю. – Тюмень, 2004.
- Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.). – Томск, 2006.
- ГАТО. Ф.Р. 214. Оп.1. Д. 160. Материалы конференции работников просвещения Парабельского района. 12–17 / 01.1926.
- Гемуев И. Н.** К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1980. – С. 86–138.
- Григорьевский Н. П.** Описание васюганской тундры // Зап. ЗСО РГО. – Омск, 1884. – Кн. 4.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды ИЭ. – Москва, 1960. – Т. 55.
- Доннер К.** У самоедов в Сибири. – Томск, 2008.
- Иоганзен Б. Г.** Природа Томской области. – Новосибирск, 1971.
- Кастрен М. А.** Путешествие в Сибирь (1845–1849). – Тюмень, 1999. – Т. 2.
- Миллер Г. Ф.** Описание сибирских народов. – Москва, 2009.
- Нагнибеда В. Я.** 1927 – Нарымский край: Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеды. – Томск, 1927.
- Никитин Н. И.** Сибирская эпопея XVII века. – Москва, 1987.
- Орлова Е. Н.** Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. – Красноярск, 1928. – Т. 1, вып. 4.
- Плотников А. Ф. Нарымский край (% стан Томского уезда, Томской губернии). Историко-статистический очерк. – СПб, 1901.
- ПМТ, 1992 – Краткий отчет Парабельской этнографической экспедиции. – 1992. – Тет. 2.
- ПМТ, 1994 – Полевые материалы Тучковой Н. А. Тюхтеревская этнографическая экспедиция. – 1994. – Тет. 2.
- ПМТ, 1996 – Полевые материалы Тучковой Н. А. (Нарым, Тюхтерево, Парабель). – 1996.
- Сергеев М. А.** Некапиталистический путь развития малых народов Севера. – Москва, 1955.
- Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири. – СПб, 1886. – Кн. 1.
- Спафарий Н. Г.** Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году (фрагмент) // Земля Верхнекетская. – Томск, 1997. – С. 239–256.
- Тучкова Н. А.** О селькупях Парабельского района // Земля Парабельская. – Томск, 1996. – С. 76–93.
- Тучков А. Г.** Об опыте внедрения оленеводства в Нарымском крае в 1920–1930-е гг. // Археология и этнология Приобья: материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этнологии. – Томск, 2008. – Вып. 2. – С. 199–205.
- Шатилов М. Б.** Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Этюды Севера. – Томск, 2011. – С. 72–119.
- Шелегина О. Н.** Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири. – Новосибирск, 1992.
- Шостакович Б.** Промыслы Нарымского края // Зап. ЗСО РГО. – Омск, 1882. – Кн. 4.

Шунков В. И. Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII век). – Москва, 1956.

Река Обь (Нагнибеда, 1927: 2, 14, 26, 38, 50, 62, 98; 6, 18, 30, 42, 54, 66; 5, 17, 29, 41, 53, 65).

Река Кеть (Нагнибеда, 1927: 98, 110, 122, 126, 134, 136, 138; 101, 113, 125, 137).

Река Тым (Нагнибеда, 1927: 146, 150).

Р. Ягодная и систем р. Чаи (рр. Ягодная, Галка, Андарма, Парбиг, и сама р. Чая) (Нагнибеда, 1927: 158, 161, 162, 185, 197, 209, 221; 182; 194, 198; 206, 210; 218, 222; 161, 185, 197, 209, 221).

Река Кенга (Нагнибеда, 1927: 230, 233, 234).

Река Чузик (Нагнибеда, 1927: 230, 233, 242, 245, 244).

Река Парабель (Нагнибеда, 1927: 242, , 245, 246).

Река Чижапка (Нагнибеда, 1927: 278, 282, 286).

Тучков Александр Геннадиевич, кандидат исторических наук,
доцент кафедры археологии и этнологии.

Томский Государственный педагогический университет.

ул. Киевская, 60, Томск, 634050.

Материал поступил в редакцию 12.12.2018 г.

A. G. Tuchkov

ANIMAL HUSBANDRY OF THE OB RIVER SELKUP: FROM INNOVATION TO THE STABLE ELEMENT OF THE CULTURE

This paper refers to the problem of the origin of such sector of husbandry in traditional culture of the Ob River Selkup as animal husbandry. During investigations the author revealed that the reliable information about Selkup animal husbandry is dated back to the 18th – the beginning of the 19th century. It was at this time in a number of Selkup farms appear Pets. Analysis of the historical situation in which began to undergo the process of introducing the culture of the Selkups of livestock showed that the cause of this phenomenon is the increase in inter-ethnic contacts Selkup Russian population. There was also stated that deployment and development of animal husbandry in Selkulp culture spread from Ob River to its tributaries. Available sources show that the development of animal husbandry among the Selkups was uneven. On such tributaries of the Ob river as the ket river and the Tym river, animal husbandry by the end of the XIX century was poorly developed or it was completely absent. The first Pets on the river Tym appear only in the early XX century. The important role in spreading the skills of maintenance of domestic animals played inter-ethnic marriages (mainly marriages with Russians). At the first stage of this innovation the most common domestic animals in Selkup husbandry were horses, then (at the end of 19th – the beginning of 20th century) cattle (caws) became widespread; at this period the spread of sheep took place in Ob settlements.

As the result, the author concludes that animal husbandry significantly changed the traditional Middle Ob Selkup Culture and influenced their traditional set of values. The new sector of the economy required major changes in the traditional economic cycle and the age-sex structure of the division of labor.

Key words: *Animal husbandry, Selkups, traditional economy, traditions, innovations.*

References:

Aminova T. V. Istoki. "Semejnij al'bom" zhitelej narymskih dereven'. [Cradle. "Family album" of the inhabitants of the Narym villages] – Tomsk, 2016. (in Russian)

Arutjunov S. A. Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodejstvie [Peoples and cultures: development and interaction]. – Moscow, 1989. (in Russian)

Bardina P. E. Byt russkih sibirjakov Tomskogo kraja [Life of Russian Siberians of Tomsk region]. – Tomsk, 1995. (in Russian)

Beljavskij F. Poezdka k ledovitomu morju [Trip to the Arctic sea]. – Tjumen', 2004. (in Russian)

- Vasil'ev V. I.** Selkupy [Selkups] // Narody Rossii. Enciklopedija. [People of Russia]. Encyclopedia. – Moscow 1994. – Pp. 312–314. (in Russian)
- Vehi paternalizma: sud'by korennyh malochislennyh narodov Tomskogo Severa v sisteme rossijskoj gosudarstvennosti. [Stages of paternalism: the fate of the indigenous peoples of the Tomsk North in the system of Russian statehood]. – Tomsk, 2006. (in Russian)
- GATO. FR. 214. Op. 1. D. 160. – Materialy konferencii rabotnikov prosvjash'enija Parabel'skogo rajona [The proceedings of the conference of education workers of Parabel region]. 12–17 / 01.1926. (in Russian)
- Gemuev I. N.** K istorii sem'ji i semejnoj obrjadnosti selkupov [To the family history and family rites of Selkups] // Etnografija Severnoj Azii. [Ethnography of North Asia] – Novosibirsk, 1980. – Pp. 86–138. (in Russian)
- Grigorovskij N. P.** Opisanie vasjuganskoj tundry. [Description of Vasyugan tundra] // Zapiski Zapadno-Sibirskogo Otdela Russkogo Geograficheskogo Obsh'estva. [Notes of The West Siberian Department of the Russian Geographical Society]. Book 4. – Omsk, 1884. (in Russian)
- Dolgih B. O.** Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII v. [Tribal and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century.] // Trudy Instituta Etnografii. [Proceedings of the Institute Of Ethnography]. – Vol. 55. – Moscow, 1960. (in Russian)
- Donner K.** U samoedov v Sibiri. [Samoyeds in Siberia.] – Tomsk, 2008. (in Russian)
- Iogansen B. G.** Priroda Tomskoj oblasti. [The nature of the Tomsk region.] – Novosibirsk, 1971. (in Russian)
- Castren A.** Puteshestvie v Sibir' (1845–1849). [Travelling to Siberia] – Tjumen', 1999. – Vol. 2. (in Russian)
- Miller G. F.** Opisanie sibirskih narodov. [Description of Siberian peoples.] – Moscow, 2009. (in Russian)
- Nagnibeda V. Ja.** Narymskij kraj: Materialy statistiko-ekonomicheskogo issledovanija 1910–1911 godov, sobrannye i obrabotannye pod rukovodstvom i redakciej V.Ja. Nagnibedy. [Narym region: Materials of statistical and economic research of 1910–1911, collected and developed under the direction and editorship of V.Ja. Nagnibeda]. – Tomsk, 1927. (in Russian)
- Nikitin N. I.** Sibirskaja epopeja XVII veka. [The Siberian epic of the XVII century] – Moscow, 1987. (in Russian)
- Orlova E. N.** Naselenie po rekam Keti i Tymu, ego sostav, hozjajstvo i byt. [The population along the rivers and Kathy Tamu, its composition, economy and life]. – Krasnojarsk, 1928. – Vol.1, Iss. 4. (in Russian)
- Plotnikov A. F.** Narymskij kraj. Istoriko-statisticheskij ocherk. [Narym region. Historical and statistical sketch]. – Saint-Petersburg, 1901. (in Russian)
- PMT, 1992 – Polevyje materialy Tuchkovoju N.A. Kratkij otchet Parabel'skoj etnograficheskoj ekspedicii. [Field materials of Tuchkova N. A. Brief report of the Parabel ethnographic expedition]. – 1992. – Tet. 2. (in Russian)
- PMT, 1994 – Polevyje materialy Tuchkovoju N.A. [Field materials Tuchkova N. A.] Tjuxterewskaja etnograficheskaja ekspedicija. [Tjuxterewskaja ethnographic expedition] – 1994. – Tet. 2. (in Russian)
- PMT, 1996 – Polevyje materialy Tuchkovoju N.A. [Field materials Tuchkova N. A.] (Narym, Tjuxterewo, Parabel'). – 1996. (in Russian)
- Sergeev M. A.** Nekapitalisticheskij put' razvitija malyh narodov Severa. [Non-capitalist way of development of small peoples of the North] – Moscow, 1955. (in Russian)
- Slovcov P. A.** Istoricheskoe obozrenie Sibiri. [Historical review of Siberia]. – Saint-Petersburg, 1886. – Kn.1. (in Russian)
- Spafarij N. G.** Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granic Kitaja russkogo poslannika Nikolaja Spafarija v 1675 godu (fragment) [Travel through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China Russian envoy Nicholas Spafari in 1675 (fragment)] // Zemlja Verhneketskaja. [Land Verkhneketskiy]. – Tomsk, 1997. – Pp. 239–256. (in Russian)
- Tuchkova N. A.** Sel'kupy reki Parabeli. Etnograficheskij ocek [Selkups rivers Parabel (ethnographic essay)] // Trudy TGOIAM. [Proceedings of TGOIAM]. (in Russian) – Tomsk, 1996. – T. IX. – Pp. 68–98. (in Russian)
- Tuchkova N. A.** O sel'kupah Parabel'skogo rajona [About the Selkups of Parabel area] // Zemlja Parabel'skaja. [Land of Parabel] – Tomsk, 1996. – Pp. 76–93. (in Russian)
- Tuchkov A. G.** Ob opyte vnedrenija olenevodstva v Narymskom krae [About experience of introduction of reindeer husbandry in the Narym region in the 1920-1930 godov] // Arheologija i etnologija Priob'ja: materialy i issledovanija/ Sbornik trudov kafedry Arheologii i etnologii. [Archaeology and Ethnology Ob Region: materials and research. Collection of works of the Department of archaeology and Ethnology] – Tomsk, 2008. – Iss. 2. – Pp.199–205. (in Russian)
- Shatilov M. B.** Ostjako-samoedy i tungusy Prinarymskogo rajona [Ostyako-Samoyeds and Tungus of Prinarymskogo district] // Etjudy Severa [Sketches of The North] – Tomsk, 2011. – Pp. 72–119. (in Russian)
- Shelegina O. N.** Oчерki material'noj kul'tury russkih krest'jan Zapadnoj Sibiri. [Essays of material culture of Russian peasants of Western Siberia] – Novosibirsk, 1992. (in Russian)

Shostakovich B. Promysly Narymskogo kraja [Crafts of Narym region] // Zapiski Zapadno-Sibirskogo Otdela Russkogo Geograficheskogo Obsh'estva. [Notes of The West Siberian Department of the Russian Geographical Society]. – Omsk, 1882. – Кн.4. (in Russian)

Shunkov V. I. Ocherki po istorii zemledelija v Sibiri (XVII vek). [Essays on the history of agriculture in Siberia (XVII century).] – Moscow, 1956. (in Russian)

Tuchkov Alexandr A., PhD, associate Professor of Archaeology and Ethnology.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaja, 60, Tomsk, 634050.